

А.В. Лукаш

ПРОТИВОРЕЧИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. Предметом исследования является социально-трудовая сфера, объектом – противоречивые тенденции в трудовых отношениях под влиянием глобальной чувственной культуры. Автор показывает, что труд как интегральный общественный институт, преломляет в себе накопившиеся в обществе противоречия, вскрывает их природу и генезис. В статье показано, что через труд, независимо от того включён человек в отношения производства или находится за их пределами, можно понять дух и настроение времени, ценностные доминанты, господствующие поведенческие установки в нём, лучше разобраться в поведении субъекта истории.

Автор опирается на методологию социокультурных флуктуаций, которая позволяет установить взаимосвязь между доминирующими ценностями и состоянием социальных институтов.

Основной вывод проведённого исследования: социальная форма труда на современном этапе развития общества, в которой проявляются преимущественно ценности, идеалы и стереотипы поведения чувственной культуры, не адекватна вызовам времени и не способна решать одну из насущных проблем настоящего времени: продуктивной занятости населения.

Ключевые слова: ценности, противоречия, занятость, чувственная культура, социальная культура, социально-трудовые отношения, труд, установки, хозяйство, идеалы.

Abstract. The subject of this research is the social-labor sphere, and the objects is the controversial trends in labor relations under the influence of the global sensory culture. The author demonstrates that labor as the integral social institution deflects the accumulated in society controversies, reveals their nature and genesis. It is illustrated that labor is able to raise the spirit and mood of the time, value dominants, prevailing behavioral orientations within it, as well as better understand the behavior of the subject of history, regardless of whether a person is involved into the labor relations or not. The author leans on the methodology of sociocultural fluctuations, which allows establishing the correlation between the dominant values and status of the social institutions. The main conclusion consists in the following: social form of labor at the current point in development of the society, which primarily reflects the values, ideals, and stereotypes of the behavior of sensory culture, is not adequate to the challenges of time or capable of resolving the pressing issue of present time: productive employment of population.

Key words: attitudes, values, contradictions, employment, sociocultural developmen, sensory culture, social-labor relations, labor, economy, ideals.

На протяжении долгих лет своего научного творчества П.А. Сорокин регулярно обращался к вопросу о том, каким будет по своему содержанию доминирующий тип грядущей культуры в недалёком будущем, в глобальном масштабе – чувственным, идеациональным или идеалистическим? Впервые к этой проблеме учёный обратился в межвоенный период XX столетия, когда противоречия не только идеологического, но и хозяйственного характера между ведущими державами делали прямое военное столкновение между ними всё более очевидным. На основе обширных эмпирических данных и те-

оретических доказательств, приведённых в дошедшем до нас издании книги «Социальная и культурная динамика» П.А. Сорокин констатировал, что новое поколение людей будет жить, очевидно, в эпоху великой идеациональной культуры.

Сегодня, на наш взгляд, вопрос П.А. Сорокина звучит предельно актуально, причём не только в прогностической плоскости для разработки перспективных сценариев развития общества, но и для понимания сути процессов разворачивающихся в режиме настоящего времени. Дать однозначный ответ: какая из трёх обоснованных в концепции великого учёного суперкультурных

систем является доминирующей на современном этапе общественного развития, представляется трудной задачей. Доминирующие черты современных изящных искусств, науки, философии, этики и права, основных форм социальной, экономической и политической организации – можно охарактеризовать как амбивалентные, что объективно усиливает степень социального напряжения и противоречий в обществе.

Труд как интегральный общественный институт концентрирует в себе многие из накопившихся в обществе противоречий, вскрывает их природу и генезис. На наш взгляд, через труд, независимо от того включён ли человек в отношения производства или находится за их пределами по субъективным и (или) объективным основаниям, можно понять дух и настроение времени, ценностные доминанты, господствующие поведенческие установки в нём, лучше разобраться в поведении субъекта истории.

Амбивалентность современного исторического периода состоит в следующем: и на эмпирическом, и на теоретическом уровне осознаётся задача незамедлительного изменения сложившихся на глобальном уровне принципов организации хозяйственных отношений, но в реальном времени мы продолжаем наблюдать деструктивные по своей сути процессы и явления в социально-трудовой сфере.

Такие вызовы современности, как неконтролируемые миграционные процессы, экономический кризис, усиливающая социально-экономическая поляризация в обществе на фоне доминирующей роли финансово-спекулятивного капитала – сигналы о том, что в сложившихся трудовых практиках давно назрели противоречия, которые всё чаще прорываются наружу не только через парламентские формы политической борьбы, но и в агрессивных социальных конфликтах прямого действия. Чем позже на них последует адекватная реакция, тем большими деструктивными явлениями они будут проявляться.

Научно-практических работ, вскрывающих противоречия социально-трудовых отношений последних десятилетий, написано за последние годы достаточно. В статьях Э.С. Райнерта, Д. Мойо, Р. Флориды, Р. Райха, М. Хазина, С.Ю. Глазьева и многих других учёных сфокусировано внимание на ключевых проблемах мирового хозяйства современности и предложены реальные рецепты исправления деформированного экономического ландшафта мира. Однако в большинстве случаев политический истеблишмент государств, если и акцентирует внимание на проблемах организации хозяйственной жизни, то дальше деклараций найти примеры реальных действий, укрепляющих

веру в наличие у этой элиты подлинного стремления изменить ситуацию, проблематично.

В чём же заключаются ключевые противоречия социально-трудовых отношений современности и как данные явления связаны с социокультурной динамикой?

В общественном сознании на протяжении продолжительного периода времени укореняется представление о наступившей эпохе постиндустриального развития мира. В чём её особенность, какие новые требования к человеку эта эпоха предъявляет, написано и сказано много. Однако часто упускается из виду очевидная истина: современный человек, в каком бы развитом обществе он не находился, живёт сразу в нескольких культурно-исторических периодах. Это справедливо как в отношении стран с высокоразвитой экономической инфраструктурой, так и для государств, хозяйственное положение которых относят к догоняющему типу развития. Диссонанс между жизнью в промышленно развитом крупном городе и депрессивном аграрном районе в стране Африканского континента, конечно, нагляднее, чем разница между современным Детройтом и Калифорнией в США. И это не просто различный уровень в доходах и материальном качестве жизни, речь идёт о разных культурах труда, которые связаны с разными социокультурными условиями существования людей. Если житель развитого промышленного района находится в центре производственной культуры, технологического процесса который неизбежно затрагивает смежные сферы жизнедеятельности человека, то жизнь в депрессивном районе, переживающего процесс деиндустриализации – Чикаго, Детройт, Энсхэде, протекает на периферии инновационных процессов, с преобладанием в структуре занятости доиндустриальных по своему характеру форм труда. Это как следствие и закономерный рост диспропорции между доходами населения. Перефразирую слова Роберта Райха о том, что «ни один американец не сможет жить спокойно и счастливо в стране, где малая доля людей получает всё более крупную часть национальных доходов, а то, что остаётся большинству, постоянно уменьшается» [8, с. 176], можно утверждать, что ни один житель Земли не может быть спокоен и благополучен, если по-прежнему большая часть доходов будет аккумулироваться в руках меньшинства, а большинство, на фоне увеличения численности населения, будет продолжать беднеть.

Современной доминирующей экономической наукой не удастся победить бедность и рост имущественной поляризации, но ей хорошо удаются манипуляции с общественным сознанием, в резуль-

тате которых порождается столько мифологем, которые не имеют отношения к реальной жизни простого человека и его ежедневным, насущным проблемам. Например, как пишет Э.С. Райнерт, современная стандартная экономическая наука «перестала видеть и качественную разницу между «предприятием» по чистке ботинок, основанную 12-летним подростком в Лиме, и компанией «Microsoft» [9, с. 65], для неё это два равноправных субъекта хозяйственных отношений, а то обстоятельство что в первом случае мы имеем дело с архаичным типом культуры труда, а во втором – с креативным, наукоёмким производством – рассматривается ею как неизбежный и закономерный результат естественного процесса разделения труда.

Отношение элит развитых стран к экономикам развивающегося типа, во многом соответствует содержанию сенситивного типа культуры: «Богатые страны склонны навязывать бедным странам теории, которым они сами никогда не следовали и скорее всего никогда не последуют. Поэтому важно уметь смотреть сквозь высокую теорию, чтобы увидеть за ней реальную жизнь» [9, с. 53]. Т.е., нормы, правила и рекомендации, которые вырабатываются в кокусах различных международных финансовых и экономических организациях, являются относительными. Они целесообразны и изменчивы в зависимости от людей, групп и обстоятельств, на которые они рассчитаны. Полезность и комфортность как высшие ценности сенситивной культуры лежат в основе межгосударственного хозяйственного диалога развитых и развивающихся экономик. Но цели сенситивной этики: увеличить сумму чувственного счастья, удовольствия и комфорта для человека, в долгосрочной перспективе приводят к вызреванию серьёзных проблем, решать которые, оставаясь в системе чувственных идеалов затруднительно. Например, «доля производства в общей занятости индустриализированных стран упала с 28% в 1970 г. до 18% в 1994 г., то есть в Америке осталось меньше одного рабочего из шести, а в Европе – один из пяти». Данные перемены изменяют и национальную структуру доходов стран: «Британская промышленность превратилась в собственную тень. Только за последние десять лет доля промышленности в ВВП Великобритании уменьшилась вдвое – с 22% до 11%» [6, с. 137].

«Избавив» свои страны от промышленных производств, которые наносили вред здоровью людей, задействованных на них, и окружающей среде, национальная элита развитых стран сделала среду проживания для своего населения ещё более комфортной, с точки зрения экологических условий, а переориентировав свой рынок занятости на сферу

услуг, сделали более комфортными и условия труда. Однако сегодня Европа и США рискуют оказаться в ситуации, когда вслед за «мигрировавшим» производством, за пределы национальных границ уйдёт и сфера услуг. Уже сейчас Индия становится главным центром обслуживания интернет-провайдеров, телекоммуникаций, банкинга. Чувственные составляющие современной интегральной культуры ведут к тому, что Запад постепенно теряет своё, некогда неисправимое лидерство в научно-исследовательских разработках, так как западные компании охотно выделяют финансы на НИОКР в Индии и Китае. В 2005 г. на долю Китая пришлось почти 15% от количества исследователей в мире, что хотя и меньше показателя США – 23%, но учитывая темпы, с которыми идёт рост Азиатского гиганта, тенденция должна вызывать беспокойство [6, с. 135].

Чувственный вектор культуры отражается и на трудовых отношениях в России. Состояние трудовой мотивации в обществе за последние десятилетия характеризуется следующими тенденциями: нивелированием социальных мотивов труда; частая смена работы; частичной трудовой пассивностью в различных отраслях общественного производства, а также определением социального статуса человека не столько по трудовым, профессионально-квалификационным критериям, а по маркерам общества «потребительского» типа. Ж. Бодрийяр отмечает: «Масса перевела потребление в плоскость, где его уровень оказывается показателем статуса или престижа» [3, с. 53]. В средствах массовой информации, литературе, кинематографе – сенситивных по своему содержанию, исчез совсем или ушёл на периферию образ честного труженика, передовика производства, «вообще всякого трудящегося человека» [10, с. 38]. Как показывают результаты исследований Л.А. Окольской, в современной школьной литературе произошёл частичный «уход персонажей и героев учебников из сферы труда и снижение их доли с 27 до 16%, при наполнении учебной литературы другими видами деятельности: игровыми, развлекательными» [7, с. 75]. Свобода, как высшая ценность и благо современного общества, получает под влиянием современной культуры искривлённое восприятие в головах молодого поколения. Гедонистический принцип жизни связан с проблемой неадекватного самоанализа, который отражается и при выборе своего образования, профессионального поприща. В современной массовой культуре это видно, как ни в какой другой сфере: дилетантство и непрофессионализм настоящий бич отечественного кинематографа и эстрады, где человек, не обладающий ни природным голосом,

ни актерским талантом, добивается признания у публики через эпатаж и кичливость, штурмует место в цеху сценаристов, рвётся в кинопродюсеры, выдавая на выходе продукт, который относится к низкопробному творчеству.

Стремление к наслаждению подразумевает исключение социальных идеалов, этики в пользу эвдемонизма как свойства индивидуализации, ведь вместо общих целей и задач на первый план выступают индивидуальные цели, которые при следовании наслаждению и потреблению не только не соотносятся с интересами всех членов общества, но и оказываются практически невыполнимы. Но интересы большей части российских граждан не укладываются в стандарты потребительского общества, меркантильный характер которого не представляется оптимальным способом жизни. Опасность, которую таит в себе потребительская психология для развития общества, подчёркнута на рубеже XIX-XX вв. русским философом Н.А. Бердяевым, который пишет, что «всякая социальная катастрофа становится возможной из-за того, что в хозяйственной жизни государства начинают превалировать социальные элементы, утратившие трудовую психологию». Исторический опыт показывает, что во все времена «психология восставших не трудовая, а потребительская психология». «Воля восставших масс направлена не на организацию труда, – пишет Н.А. Бердяев, – не на регуляцию социального целого, а на захваты и потребление» [2, с. 79]. Узкий рационализм и утилитаризм не поднимается до уровня морально-нравственных оснований труда, и «...не идёт дальше вопроса о целесообразных средствах» [1, с. 49]. В обществе, где отсутствуют или размыты идеалы, нет движения к высшему смыслу существования, где сама цель существования определяет лишь простую потребность, а достижение цели никак не связано с вопросом о нравственном содержании деятельности человека, там возможны только утилитаризм и экономическая целесообразность. В таком обществе невозможно ожидать ни безусловной морали, ни побудительного импульса к духовно-нравственному содержанию жизни, в том числе в вопросах организации хозяйственной жизни.

Через современные способы манипуляции общественным сознанием социуму предлагают стереотипы «успешного» человека, который реализует себя в различных непроективных сферах. Как отмечает Г. Маркузе: «Интенсивность, способ удовлетворения и даже характер небиологических человеческих потребностей всегда были результатом преформирования (существовали в предварительно заданном, нужном направлении)» [5, с. 267]

в современных культурах, в том числе и в российской, эта тенденция стала ещё более очевидной.

Прекаризация современной трудовой сферы формулирует и активно тиражирует такие установки как: ты должен быть мобильным! Не бойся перемен! Добейся успеха здесь и сейчас! Пробуй себя в разных сферах деятельности и т.д. Но такие максимы поведения контрпродуктивны для молодых специалистов закончивших своё обучение и приступивших к своим трудовым будням. Медики, сотрудник НИИ, учителя, инженеры связи, транспорта и масса других специалистов не могут стать высококлассными, квалифицированными кадрами, находясь в перманентном поиске своего профессионального успеха. Эти области труда требуют иных качеств и установок, прямо противоположных чувственной культуре.

Влияние деструктивных установок, усилилось тогда, когда в руках части общества оказались механизмы, которые позволяют управлять социальными процессами, в том числе влиять на уровень потребления, моделировать необходимую модель поведения человека в сфере труда, отдыха и потребления. Индивидуализация производства, как одна из особенностей постиндустриального периода, связана со становлением таких механизмов. Например, сегодня сложилась настоящая индустрия изучения потребительского поведения. Метрики измерения и современные технические средства позволяют установить, какой товар или услугу предпочитает человек исходя из своей гендерной, возрастной, социально-экономической, религиозной, этнической и т.д. принадлежности. В результате современное производство выдаёт продукт (духовный или материальный), который по существу ограничивает свободу потребляемого человека, так как он произведён изначально с максимальным учётом всей гаммы его потребностей, поэтому пройти мимо него, будь это книга, гаджет, продукты питания и т.д., очень трудно. Ведь помимо потребительского анализа, современная индустрия ищет ответа на вопросы: где и когда будет находиться потребитель его продукта. По этому принципу функционирует и современная система образования. Профессии чувственного спектра культуры пользуются повышенным вниманием со стороны абитуриентов и их родителей не только в России, но и в странах ЕС, Северной Америки. Исключения составляют страны Восточной Азии, где конкурс на инженерные места в вузы остаётся высоким, несмотря на все гедонистические установки нашего времени. Например, к 2004 г. США занимали семнадцатое место среди стран по доле молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет, получивших образование в области есте-

ственных и технических наук, тогда как в 1975 г. они имели третье место [6, с. 133].

«Человеческая цивилизация развивает только такие формы деятельности и соответствующие им способности, которые необходимы с точки зрения этой цивилизации в целом» [4, с. 5], – утверждал Э.В. Ильенков. Социально-трудовые отношения, основанные на доминирующих чертах чувственного типа культуры и соответствующей ей шкале ценностей, деформируют социальный статус труда и его материальную стоимость до грани угроз не только национальной, но и глобальной безопасности, о чём свидетельствует миграционный кризис в Европе и проблема занятости быстро растущего в странах Латинской Америки, Африки, Ближнего Востока, Азии трудоспособного и экономически активного населения. Граждане РФ за последние годы, в полной мере, могли убедиться в том, какие «перспективы» для реального труда открывает постиндустриальная цивилизация и культура чувственного типа: структурная реорганизация экономических отношений страны вызвала перевод отечественной индустриальной базы на сырьевую специализацию, деквалификацию (полную в неко-

торых отраслях) кадрового состава рабочих, резкое сокращение его численности и его культурную и профессиональную маргинализацию. Поэтому необходимо разрешить главную социально-экономическую проблему современной России – обеспечить занятость населения, причём не в сфере услуг, а в наукоёмких отраслях производства с высоким потенциалом для реального увеличения ВВП страны. Для этого предельно важно, чтобы экономическая наука, после всех трансформаций, которые она пережила и в XX, и в XXI в., вернула в систему своих разработок два важных аспекта – время (историю) и пространство (географию), иначе мир экономической науки будет, как пишет Э.С. Райнерт, оставаться сказочным миром, «где нет ни времени, ни пространства, ни трения, мир автоматический, бесконечной гармонии, где дуб вырастает в огромное дерево за то же время, которое требуется, чтобы его срубить (т.е. нулевое время). В результате такой абстракции получается, что в реальной жизни постоянно происходит то, что происходить не должно; к примеру, случается финансовый кризис в Азии, некоторые страны только беднеют от глобализации, вместо того чтобы богатеть» [9, с. 66].

Список литературы:

1. Астафьев П.Е. Философия нации и единство мировоззрения. М., 2000. 538 с.
2. Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. М.: АСТ, 2006. 444 с.
3. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 96 с.
4. Ильенков Э.В. Об эстетической природе фантазии. Что там, в Зазеркалье? М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 128 с.
5. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. М.: АСТ, 2003. 528 с.
6. Мойо Дамбиса. Как погиб Запад. 50 лет экономической недалновидности и суровый выбор впереди. М.: Центрполиграф, 2012. 287 с.
7. Окольская Л.А. Трудовые ценности и нормы в содержании учебников для начальной школы: сегодня и 20 лет назад // Вопросы образования. 2007. № 2. С. 68-85.
8. Райх Р.Б. Послешок. Экономика будущего. М.: Карьера Пресс, 2012. 208 с.
9. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. 384 с.
10. Семёнов В.Е. Ценностные ориентации современной молодёжи // Социс. 2007. № 4. С. 37-43.

References (transliterated):

1. Astaf'ev P.E. Filosofiya natsii i edinstvo mirovozzreniya. M., 2000. 538 s.
2. Berdyaev N.A. Dukhovnye osnovy russkoi revolyutsii. M.: AST, 2006. 444 s.
3. Bodriiyar Zh. V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konets sotsial'nogo. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2000. 96 s.
4. Il'enkov E.V. Ob esteticheskoi prirode fantazii. Chto tam, v Zazerkal'e? M.: LIBROKOM, 2011. 128 s.
5. Markuze G. Eros i tsivilizatsiya. Odnomernyi chelovek. M.: AST, 2003. 528 s.
6. Moio Dambisa. Kak pogib Zapad. 50 let ekonomicheskoi nedal'novidnosti i surovoy vybor vpered. M.: Tsentrpoligraf, 2012. 287 s.
7. Okol'skaya L.A. Trudovye tsennosti i normy v sodержanii uchebnikov dlya nachal'noi shkoly: segodnya i 20 let nazad // Voprosy obrazovaniya. 2007. № 2. S. 68-85.
8. Raikh R.B. Posleshok. Ekonomika budushchego. M.: Kar'era Press, 2012. 208 s.
9. Rainert E.S. Kak bogatyie strany stali bogatymi, i pochemu bednye strany ostayutsya bednymi. M.: Izd. Dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2015. 384 s.
10. Semenov V.E. Tsennostnye orientatsii sovremennoi molodezhi // Sotsis. 2007. № 4. S. 37-43.